

УДК: 93/94

DOI: 10.25629/НС.2023.04.10

М.М. ВИНАВЕР (1862–1926) КАК «ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Нестерова К.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является проведение анализа деятельности юриста, политика, бывшего депутата Первой Государственной Думы Российской Империи от кадетской партии М. М. Винавера (1862 – 1926) в области культуры и искусства, науки и просветительской деятельности как в Российской империи, так и в Париже, после вынужденной эмиграции в ходе революции 1917 года. На основе материалов архивов ГАРФ, РГАЛИ, мемуарных и визуальных источников современников М. М. Винавера, при привлечении достижений современной историографии по теме в статье была проведена оценка его роли в развитии и сохранении русского искусства, его особого «многонационального» виденья русской культуры, плодов его практической деятельности – научной, меценатской и литературной. Научная новизна заключается в анализе и приобщении к историографии прежде малоизвестных данных об истоках любви М. М. Винавера к русскому искусству и стремлению встроить ее в европейский контекст, что позволяет более пристально рассмотреть культурную жизнь российской политической элиты, эмигрантов первой волны. В результате удалось установить высокую значимость М. М. Винавера в жизни художника Марка Шагала, писателя Георгия Адамовича, выявлены цели создания при участии М. М. Винавера Русского института при Сорбонне, сотрудничества с Земско-городским комитетом помощи российским гражданам за границей, Русской академической группой. Сделаны выводы об особом отношении самого политика к русской культуре, свободе духа и творчества и достижениям прошлого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

кадеты, М. М. Винавер, Марк Шагал, «Звено», меценатство, просветительская деятельность, русская живопись, русская литература, русское зарубежье, эмигранты.

ВВЕДЕНИЕ

Максим Моисеевич Винавер (1862–1926) прославился в первую очередь как блестящий адвокат, яркий член кадетской партии, депутат I Государственной Думы, и авторитетный либеральный политик. Красной нитью сквозь все его политические речи и лозунги пролегла идея гражданского равноправия всех народов России, а также защита прав и свобод каждого отдельного человека. В одной из речей в июле 1917 года он произнес: “Удовлетворение национальных требований отдельных групп в области их культурных задач или своеобразных задач в других сферах жизни не только не усиливает угрозу государственным началам, а наоборот, дается удовлетворение истинно понимаемому единству государства, считающемуся с национальными особенностями отдельных его частей” [27, с. 681]. М. М. Винавер видел благополучие и единство российского государства в культурном свободомыслии, развитии институтов гражданского общества.

ПРОБЛЕМА

В исторической науке недостаточно освещенным остается тот факт, что немало сделал Максим Моисеевич Винавер, будучи евреем по происхождению, для развития русской культуры и науки, а также для признания и сохранения их исконных традиций за рубежом после смены власти в России в 1917 году.

ОБСУЖДЕНИЕ

Он не был наблюдателем со стороны, а непосредственно и сам участвовал в этом процессе. Подтверждением сказанному являются слова близкого друга и коллеги М. М. Винавера историка и политика П. Н. Милюкова о том, что не только как «организатора и председателя чужих прений» видел он М. М. Винавера, а как «действующее лицо» в русской культуре. Он называет его «русским писателем» [21, с. 2]. Равно как и его оппонент по многим взглядам философ П. Б. Струве признавал то, что Максим Моисеевич был «блестящим писателем на русском языке» [1, ед. 596].

Признание этого статуса от выдающихся коллег не было случайным, М. М. Винавер действительно создал много ярчайших произведений литературы. В этой связи интересен и тот факт, что М. М. Винавер был одним из восьми членов кадетской фракции в I Думе, обозначивший свой род деятельности как «литератор» и «писатель» [15, с. 16], ведь непосредственно в тот период он был одним из пяти соредакторов журнала «Вестник права» (с 1904 по 1906 год), организованного Юридическим обществом при Императорском Санкт-Петербургском университете в 1899 году. Кроме того, с 1902 года М. М. Винавер участвовал в издании журнала «Восход» о еврейской жизни, истории и литературе [18, с. 114]. Вот почему целью предлагаемой статьи является восполнение существующих пробелов и обогащение персональной истории М. М. Винавера фактами его биографии, почерпнутыми из источников личного происхождения – переписки, мемуаров современников, свидетельствующих о его вкладе в русскую культуру.

При этом важной характеристикой особенностей в понимании и реализации своей роли в развитии, распространении и сохранении русской культуры является, в частности, то, как М. М. Винавер характеризует свою этнокультурную идентичность. Он подчеркивал, что видит себя, как и представителей еврейской интеллигенции в лоне русской культуры – «группой, дорожающей своим от веков унаследованным добром, но питающей самым интенсивным образом окружающую ее культуру – перерабатывающей изо дня в день свое изначальное содержание, создающей новые, смешанные, но столь же богатые формы, более близкие то к одной, то к другой формации (Левитан, Антокольский, Рубинштейн...)» [13, с. 82]. Эти слова Винавера в несколько иной интерпретации и подкрепленные фактами всей жизни и деятельности политика уже о нем самом напишет после его смерти П. Н. Милюков в статье с неслучайным названием «М. М. Винавер и русская культура». Он назовет его там «блестящим представителем русской культуры» [21], уточняя: «М. М. Винавер несомненно считал себя сыном этой культуры. На ней он воспитался и вырос. Ее он пропагандировал в последние годы своей жизни» [21]. Трудясь без устали на этом поприще, Максим Моисеевич серьезно подорвал свое здоровье. Он стал лидером процесса создания некоего единого сообщества взаимопомощи и культурного центра притяжения российских эмигрантов в Париже, где он провел остаток своей жизни в надежде вернуться в Петербург.

Действительно, именно М. М. Винавер, находясь в эмиграции после революции в России, способствовал появлению целого ряда деятелей, которых можно было бы назвать «русскими европейцами», стремящимися влиться в новый послевоенный европейский контекст, при этом сохранив связь с их родиной. По словам историка Н. Б. Селунской, ««русский европеец» представляется мифологемой конструирования индивидуальной и групповой идентичности, образа-архетипа интеллигента «нового времени» [25, с. 198]. М. М. Винавер был тем самым человеком, который прагматично и успешно объединил силы представителей русской культуры, совершавших важную миссию по развитию и преумножению ее традиций и именно его особое виденье творчества, свободы духа, возможностей отдельного человека помогли ему стать в этом важном деле одним из лучших.

Об истоках любви М. М. Винавера к искусству и литературе пишет самый близкий человек в жизни Максима Моисеевича – его жена, мемуаристка и хранительница архива политика Роза Георгиевна. В своих воспоминаниях она повествует о тех временах, когда они еще не были обручены: «Приехали мы в Петербург, и М. М. [Винавер] стал мне Петербург показывать и

все объяснять. Помню он показывал картинную галерею Эрмитажа. Ни одной картинной галереи в мире я так основательно не знала, как Эрмитаж.» [14, с. 30]. А об одном из зимних дней она писала: “Было Рождество.... Много мы катались на санках, ездили на какие-то умные литературные вечера... Когда в Москве вновь началась переписка... я должна была писать о прочитанных книгах” [14, с. 30]. Но не только литературой и живописью интересовался он тогда, мемуаристка дополняет позже: “В те годы – до 1905 года – М. М. [Винавер] очень увлекался театром” [14, с. 40]. Как мы видим, Максим Моисеевич был подлинным представителем культурной интеллигенции Петербурга, вел подобающий ей образ жизни, при этом оставаясь первоклассным юристом и адвокатом, уже мечтающим о политической карьере.

Об обладании Максимом Моисеевичем «художественным чутьем» [14, с. 40] писала не только Роза Георгиевна, но и многие его современники. Например, известнейший литератор Георгий Адамович отмечал, что М. М. Винавер «присматривался и прислушивался ко всему, в чем была духовная жизнь и заранее всему сочувствовал, шел вперед, все принимал» [9]. Прозаик Марк Алданов называл его человеком «большой культуры» [1, с. 596], журналист и писатель Петр Пильский писал о «широте его взглядов в области искусства» и то, что «все проявления духовной жизни для него были законны и естественны» [1, с. 596]. Этот список далеко не исчерпывающий.

Примерно в 1907 году в жизни М.М. Винавера происходит поворот в сторону меценатства, а именно покровительства молодого художника Марка Шагала, который был представлен ему в тот год. Однако, когда Марк Шагал впервые встретился с М. М. Винавером, он еще не был великим и всемирно известным. Художник на страницах газеты «Рассвет» в 1926 году писал о Максиме Моисеевиче: “Он первый в моей жизни приобрел мои две картины – голову еврея и свадьбу... в 1910 году Винавер отправил меня в Париж назначив мне стипендию” [29]. М. М. Винавер действительно поверил в этого молодого человека и надеялся на его успех. Марк Шагал дополняет: “Комната редакции была переполнена моими картинами, рисунками” [29]. Из строк Марка Шагала мы также можем узнать и важный для понимания культурной жизни Винавера факт о том, что у него «была небольшая коллекция картин. У него висели, между прочим, две картины Левитана» [29]. Судьба Марка Шагала будет иметь множество перипетий, но тот старт, что дал ему М. М. Винавер действительно изменил его судьбу. Сам Марк Шагал признавал, что без Максима Моисеевича Винавера он был бы «обыкновенным зеленым евреем» [29]. В этой связи можно также дополнить, что в 1915 году и вплоть до 1918 года в Санкт-Петербурге будет работать «Еврейское общество поощрения художеств», председателем правления в котором станет Максим Моисеевич Винавер. Это был огромный вклад в развитие русской, еврейской и общеевропейской культуры.

Относительно темы живописи в жизни политика, необходимо заметить, что иногда выступал он в ней не только как субъект, но и как объект. Интересным представляется вопрос об авторстве портрета самого М. М. Винавера. Он выполнен в приглушенных коричневых тонах. В статье 2017 года театрального режиссера из Франции Григория Лопухина под названием «Биографические заметки о семье Винаверов – Гринбергов» автором портрета не без доли сомнения была названа семейный художник З. Е. Серебрякова, выполнившая и портрет внука Винавера – Мишеля [19, с. 96]. Однако историк В. Е. Кельнер в 2018 году на фронтисписе своей книги «Щит. М.М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX – начале XX века», а также и авторы выставки под названием «Пора возвращаться домой», прошедшей в 2019 году в фонтанном доме Анны Ахматовой и посвященной семье М. М. Винавера, утверждают, что эта работа руки художника Осипа Бразы. Стилистически он и правда больше похож на портрет авторства выдающегося портретиста-«мирискусника». Объединение с одноименным названием было призвано в том числе избавить искусство от навязанных извне целей, делая упор на эстетическую составляющую. О. Э. Браз умело использовал традиционализм в своих многочисленных парадных портретах, но и вносил в него много причудливых современных черт, чем, вероятно, и привлек по своему характеру свободолюбивого М. М. Винавера.

Крайне любопытным является и небольшая открытка с карикатурным изображением самого политика, находящаяся в одном из фондов Российского Государственного Архива Литературы и Искусства (РГАЛИ) под названием «Дружеский шарж неустановленного художника на М. М. Винавера» (рис. 1) [6, ед. 35].

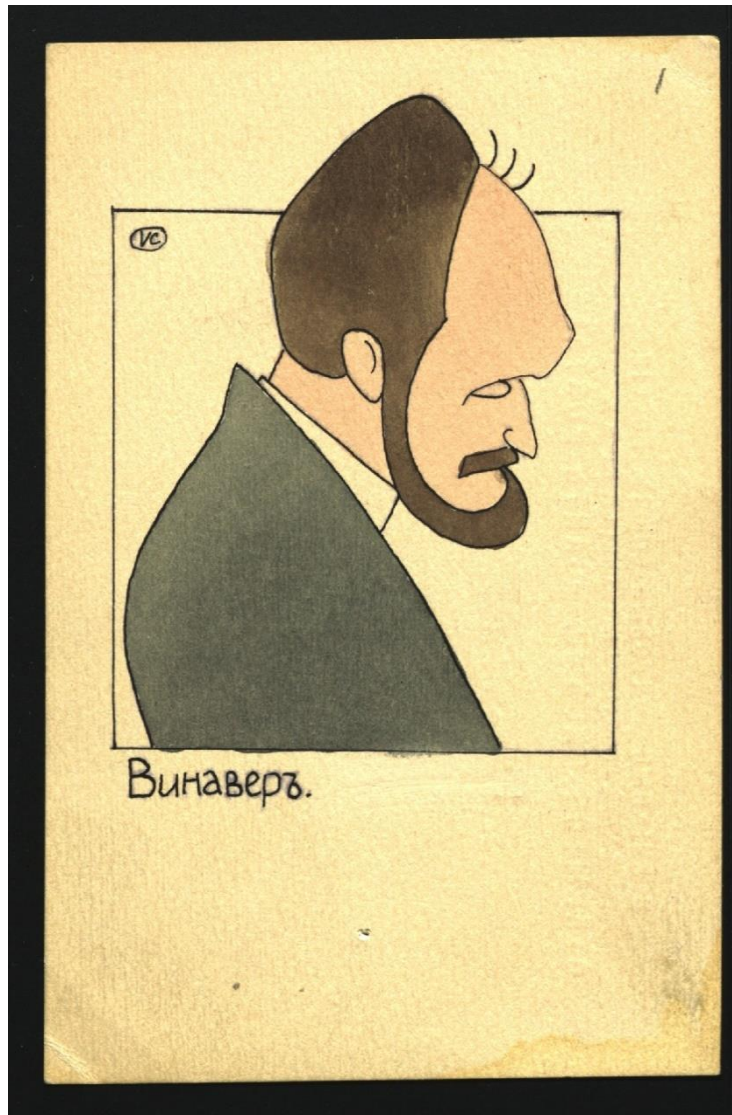

Рисунок 1 – Дружеский шарж неустановленного художника на М. М. Винавера

Однако проведя несложный источниковедческий анализ, удалось найти свидетельства о существовании целой серии крайне похожих стилистически и подписанных одной и той же подписью «VC» шаржей и на других «перводумцев» за авторством известного карикатуриста Валерия Вильямовича Каррика на фарфоровых тарелках, хранящихся в Государственном центральном музее современной истории России [28], изображения некоторых депутатов нарисованы на карточках, также находящихся в этом музее [22]. Наконец, можно дополнить, что карикатурные изображения М. М. Винавера появлялись в сатирических журналах в 1906 году,

например, на обложке 12 номера литературно-сатирического журнала «Букет» [23, с. 169] и на страницах политического сатирического журнала «Аргус» [23, с. 163]. М. М. Винавер был яркой и заметной фигурой, подталкивающей других деятелей культуры использовать его образ в актуальной публицистике и искусстве.

М. М. Винавер вел и непосредственно просветительскую деятельность. Говоря о желании политика выполнять подобного рода работу, следует начать с того, как общественную жизнь в Петербурге до 1905 года в целом характеризует Роза Георгиевна: «Все общественные силы, которые хотели работать в легальных условиях могли проявиться только на почве просвещения.» [14, с. 33]. Максим Моисеевич Винавер вошел в число этих сил. Важную веху в его жизни занимает «Историко-этнографическая комиссия», ставшая впоследствии фундаментом и важным предвестником открытия в 1908 году Еврейского историко-этнографического Общества (ЕИЭО), где он стал председателем. В речи, произнесенной по случаю открытия, М. М. Винавер признавался, что это была его и его коллег «мечта юности, которая сейчас осуществляется. Мечта скромная, не чета тем, что недавно обуревали нас» [12, с. 76]. Очевидно, что речь идет о недавнем разгоне его I Думы – болезненно завершившегося взлете политической карьеры всей кадетской партии. Мы видим, что политик не отчаялся, а вернулся к более мелким, но не менее важным для страны и общества делам.

Эта речь на открытии в последствие вышла в виде статьи под названием «Как мы занимались историей» в первой книжке журнала «Еврейская старина» в 1909 году. В ней политик вспоминает историю создания общества, когда он был еще юным и заседания часто проходили в его «холостой квартирке» [12, с. 76]. Об одной из задач комиссии писала и Роза Георгиевна, необходимо было «собирать информацию, которая относилась к истории евреев в России начиная с первых годов ее исторического существования и до 1800 года. Поскольку предполагалось «Собирание материалов, уже напечатанных, но не выделенных из многочисленных русских сборников» [14, с. 34], всем участникам процесса необходимо было долго штудировать большое количество изданий. Не без доли юмора М. М. Винавер повествует о тонкостях этого процесса: «Десять-пятнадцать человек являлись, каждый с пачкой четвертушек, каждый с гордым видом вытаскивал свою пачку, щеголяя обилием своего улова – начиналось чтение. Несчастные, которым случайно не удавалось изловить ни одного «жида», приходили грустные, сконфуженные, и просили верить им, что одолели толстый томище» [12, с. 70]. Последнее же заседание комиссии состоялось 8 января 1905 года «в атмосфере тревожных слухов и предположений о завтрашнем дне...» [12, с. 71]. Работа в качестве депутата первого представительного органа России на время прервет эту его исследовательскую работу.

Любопытным касательно просветительской деятельности М. М. Винавера является и описанный Розой Георгиевной в мемуарах эпизод о том, как в Старицком уезде Тверской Губернии, где у их семьи была дача, не осталось школ, и тогда ее муж нашел помещение и договорился о том, чтобы из земства прислали учителя, тогда «школа заработала на славу, крестьяне были довольны», кроме того, для них была устроена и библиотека [14, с. 40]. М. М. Винавер вообще всегда был склонен помогать нуждающимся, свидетельства об этом пронизывали всю его жизнь.

Подытоживая тему просветительской деятельности, нужно вкратце упомянуть и о научных его работах. Он является автором множества превосходных научных статей по гражданскому праву. М. М. Винавер не мог стать профессором университета, еще находясь в Варшаве, где он вырос и выучился, он отказался от этого предложения, так как одним из условий было крещение [14, с. 27]. Но желание его участвовать в науке взяло верх. Роза Георгиевна пишет об этом: «Не имея возможности получить профессорскую кафедру, но и не желая прекращать своих научных работ, М. М. [Винавер] начал принимать очень активное участие в работе гражданского отделения Юридического Обществ при Петербургском университете, членом которого он был избран. Он прочел там много докладов по русскому гражданскому праву» [14, с. 34]. Эта деятельность политика также представляется немаловажной в миссии распространения просвещения среди масс.

И все же возвращаясь в сферу культуры, необходимо напомнить слова Розы Георгиевны о яркой и интересной жизни политика в дореволюционном Петербурге: «М. М. [Винавер] очень любил художественную литературу. В первые годы своей жизни в Петербурге он и еще несколько друзей регулярно собирались раз в неделю у Михаила Игнатьевича Кулишера и читали вслух Гейне, Пушкина, Лермонтова, Гоголя» [14, с. 29]. Однако с 1905 года жизнь изменилась. М. М. Винавер начал готовиться к ярчайшему событию в его политической карьере, но оказавшимся в итоге самым трагичным для него – работе I Государственной Думы. После «Выборгского воззвания» он будет осужден и не сможет избираться. В период между революциями политик много писал. В этот период он написал свои первые крупные воспоминания под названием «История выборгского воззвания» о тяжелом для него эпизоде – разгоне Первой Думы. Важно, что он также проанализировал главные ошибки работы этого органа в публицистической брошюре «Конфликты в первой думе», вышедшей в свет в 1907 году.

М. М. Винавер любил и чувствовал тонкости в искусстве письма. Его работы полны ярких художественных пассажей. Например: «Осень. Ветер с шумом рвет листья деревьев. Сухой, мертвенный шелест на дорогах парка. Полые пустыри там, где еще вчера еще были полны таинственной прелести зеленые уголки» [11, с. 5]. Это лишь один из множества его выразительных строк. Его писательский талант признавали многие его современники. Следует сказать, что для самого М.М. Винавера характеристика его друзей и коллег стала излюбленным жанром. Первой пробой пера в этом направлении стала работа 1907 года «Речь о Спасовиче» - выдающемся адвокате, у которого М. М. Винавер был в начале карьеры помощником, затем в 1911 году вышла работа под названием «Муромцев – адвокат и председатель Думы», и, наконец, в 1917 году он издал целый сборник портретов «Недавнее. Воспоминания и характеристики». Например, адвокат и политик В. А. Маклаков писал об этой книге: «Не буду говорить о писательском блеске, о раскиданных афоризмах, глубоких мыслях, сжатых в несколько слов. Все это общепризнано и людьми более компетентными» [20, с. 57]. Позже М. М. Винавер напишет еще ряд ценных некрологов-воспоминаний о многих своих коллегах, некоторые черновики остались в его архиве неизданными.

Спустя несколько лет после разгона I Думы, в 1909 году, М. М. Винавер поучаствовал во всеобщей критике одного из авторов знаменитого сборника «Вехи», создатели которого поставили задачу подсветить недостатки борцов за освобождение, но получили в итоге множественные обвинения в реакции от российского общества. Максим Моисеевич, например, вступил в полемику с уже упоминавшимся выше русским философом и публицистом П. Б. Струве, написав ему «Открытое письмо», изданное в то же году в сборнике с названием «По вехам...». Наряду со статьями М. М. Винавера, там были размещены материалы писателей Петра Боборыкина, Александра Рославлева, театрального критика Александра Кугеля и некоторых других деятелей гуманитарной области знания. Данная Статья М. М. Винавера освещает в большей степени отношение его к еврейскому вопросу, о роли политика, в котором написаны книги современных крупных историков еврейского происхождения, например, профессора В. Е. Кельнера и историка американца Б. Хоровица, где, в частности, отмечается его «антисемитизм». Однако в открытом ответном письме М. М. Винавер, рассуждая о взглядах П. Б. Струве на русскую культуру, пишет: «Когда вы недавно писали о Великой России – я, сознаюсь, думал, что вас одушевляет некая империалистская идея, что вы под нацией разумеете нечто более крупное, чем доподлинных потомков исконных жителей суздальского уезда. А оказывается на поверку, что другого мерила, кроме племенного, у вас нет, что вам, кроме дела – настоящего национального культурного дела – нужна для русского народа особая племенная «загородь», да еще и с вывескою» [13, с. 83]. Эти слова политика свидетельствуют о том, что он в действительности видел все народы равноправными участниками процесса развития русской культуры.

Центральным сюжетом в эмиграции стала для него деятельность по бережному сохранению традиций русской культуры, ее приумножению и интеграции в европейское культурное пространство. Здесь особо важна его начавшаяся в 1923 году работа в качестве главного и единственного редактора литературно-политической газеты «Звено», впоследствии превра-

тившейся в журнал. Изначально она издавалась как приложение к «Последним новостям», политическому журналу П. Н. Милокова, но позже стала самостоятельным изданием. Интересно, что о формате издания писал в переписке с М. М. Винавером его ближайший в конце жизни друг, один из лидеров кадетской партии И. И. Петрункевич: «Мне очень нравится Ваша мысль придать «Звену» характер, посвященный преимущественно культуре. Мне кажется, что защита, проповедь и сохранение культурных ценностей – задача быть может более важная для эмиграции, чем политическая» [26, с. 281]. Эти его слова свидетельствуют о том, что оптимизм по поводу возвращения на родину и участия в политике у кадетов понемногу спадал, но важность своей миссии на культурном поприще они осознавали ежедневно и стремились продолжать свое просветительское дело.

Решение превратить газету в полноценный журнал было весьма целесообразным, так как часто возникали сложности с авторами. Например, писателю и путешественнику Василию Немировичу-Данченко, брату знаменитого театрального деятеля, М. М. Винавер писал, что благодарен, что тот выслал рукопись, но «вот незадача, по объему она вчетверо больше того, что может вместить газета», предлагая ему компромисс в виде печати определенной части произведения с названием «Мирская печальница» [5, ед. 151]. В РГАЛИ также находятся подлинники писем М. М. Винавера поэтессе Зинаиде Гиппиус, где он отказывается печатать ее «Дневник», так как его форма не соответствует тематике газеты. Ведь она была «преимущественно литературной, где на изучение русских исторических вопросов отводилась лишь одна страница» [7, ед. 100], приходилось отказывать в объеме строк и поэту-символисту К. Бальмонту [3, ед. 14]. Популярность газеты ясно требовала от Максима Моисеевича реформ по увеличению вместимости издания.

Действительно, редакция ставшего уже журналом «Звена» в 1925 году стала ведущим литературным салоном, посещаемым изгнанными поэтами и писателями. Там печатались И. Бунин, К. Бальмонт, М. Алданов, З. Гиппиус и многие другие. Печатались переводы Марселя Пруста, Теодора Драйзера, Жана Кокто и еще целого ряда известных авторов. Подробно работу редакции этого издания можно проследить в РГАЛИ в фонде под названием «Редакция газеты и журнала «Звено» (Париж, 1923–1928).

М. М. Винавер делал огромное дело для сохранения русской культуры, результат которого мы можем ощутить сегодня, в XXI веке. В том числе благодаря ему оказались не преданы забвению многие фамилии русских эмигрировавших деятелей культуры. Это занятие было крайне сложным и кропотливым. М. М. Винавер признавался кадету И. И. Петрункевичу в 1923 году: «хлопоты с этим звеном... хлопот этих много, ибо сил литературах мало, и рассеяны они и ожесточены друг против друга. Даже на общекультурное дело собрать их трудно» [26, с. 282]. Однако результат его кропотливого труда оправдал все возможные ожидания и сделал журнал ярчайшей страницей в истории культуры России и Европы. Касаемо руководства журналом редактор и поэт М. Л. Кантор писал о М. М. Винавере: «Нужна была несокрушимая вера во всепобеждающую волю человека, чтобы за рубежом, в обстановке рассеяния, вдали от старых культурных центров попытаться собрать распыленные силы и с их помощью создать культурное начинание, которое и в нормальной обстановке обречено было бы на долгий искусомутверждения» [16]. Политику удавалось достигать успехов в миссии развития и передачи потомкам традиций «добольшевистской» русской культуры, он отдавал делу всего себя и его и без того слабое здоровье продолжало ухудшаться от больших нагрузок.

Необходимо отметить, что сложная, но плодотворная работа М. М. Винавера в области издательского дела всесторонне описана историком литературы О. А. Коростелевым в статье «Редакторская и издательская деятельность М. М. Винавера» [18]. Возвращаясь же к вопросу покровительства молодых талантов, нельзя не сказать какую роль «Звено» сыграло в судьбе Георгия Адамовича. Исследователь О. А. Коростелев во вступительной статье к изданию «Литературных бесед» Г. Адамовича, напечатанных в этом журнале в период 1923–1928 годов, пишет: «Молодой и в общем-то ничем не примечательный петербургский поэт, один из многочисленных учеников Гумилева. Свое знакомство с литературным миром Григорий начал с визита в редакцию «Звена»

Этот визит изменил его судьбу” [10, с. 5]. Как можно было заметить, политик помогал молодым талантам как в благополучные, так и в экстремальные времена.

Сам же Г. Адамович следующими словами вспоминал М. М. Винавера: “Максим Моисеевич был вообще наименее ограниченным (в смысле кругозора) из людей. Он не был слугой исключительно своей мысли, своей идеи или своего духа. Узкого фанатизма в нем не было. Нетерпимость была ему совершенно чужда <...> Он глубоко понимал, что без свободы ни искусства, ни литературы нет. Приняв человека, он давал ему свободу и доверяя ему в целом, доверял и в мелочах” [9]. Примечательно, что после смерти М. М. Винавера, с октября 1926 года Адамович становится не только ведущим критиком «Звена», но и правой рукой редактора журнала М. Л. Кантора, практически соредактором, во многом определяющим литературную политику [10, с. 5]. В 1961 году он издаст работу «Вклад русской эмиграции в мировую культуру», где одним из первых призывает единомышленников проанализировать ту значимость, которую несли в себе все его коллеги-эмигранты на этом поприще.

Просветительская деятельность М. М. Винавера проявилась с новой силой после вынужденной эмиграции из России в ходе революции 1917 года. В этой сфере М. М. Винавер сотрудничал с Русской Академической Группой – объединением деятелей науки и культуры в эмиграции с общей целью – развивать российскую академическую науку, поддерживать связи между многочисленными учеными-эмигрантами и проч. Их было несколько, первая по счету была организована в Берлине, но Парижская отличалась наибольшей известностью. Она была образована в мае 1920 года историком литературы Е. В. Аничковым, юристом П. П., Гронским, украинским этнографом Н. М. Могилянским, историком М. И. Ростовцевым и другими. Целью группы также обозначалась подготовка молодых ученых для будущей России [17, с. 29]. Участникам важно было обеспечить непрерывность процесса воспитания мыслящих людей и создания качественных кадров.

В сотрудничестве с членом этой группы, историком М. И. Ростовцевым, М. М. Винавер открыл учебное заведение при Сорбонне. В архиве сохранились его рукописные заметки, где он повествует: “В осень нынешнего года открывается в Париже по инициативе академика М. И. Ростовцева Русский институт исторических и юридических наук. Институт ставит своей целью восполнить познания нашей молодежи, вынужденной теперь учиться во французских, английских и швейцарских университетах. Институт будет разделен на два направления, историко-филологическое и юридико-экономическое. На первом будет преподаваться русская история, русская литература, русский язык, ...на втором - история русского права, русское государственное, гражданское и уголовное право, русская финансовая политика...” [2, ед. 181]. Было составлено также примерное расписание лекций, где лекции М. М. Винавера, к слову, стоят в среду и субботу [2, ед. 187]. В своих мемуарах Роза Георгиевна вспоминала о том, как долго это учреждение просуществовало: “Юридический факультет, существовал, кажется лет десять, а филологический, вероятно, до самого прихода немцев” [14, с. 100]. Такое длительное существование заведения свидетельствует о том, что оно пользовалось спросом среди русскоязычных студентов и давало определённые плоды.

Нельзя не заметить, в приведенных выше целях Академической Группы в тот период еще прослеживается оптимизм многих по поводу возвращения в Россию и смены захватившего власть режима. Пока гражданская война продолжалась надежда не угасала. Также и М. М. Винавер не терял веры и в черновых заметках о целях Русского института при Сорбонне писал: “Это делается и для того, чтобы молодежь ... о возвращении в Россию могла заняться практической работою, чтобы дипломы Института иностранного университета были равнозначны русским университетам” [2, ед. 181]. Сотрудничество в этой сфере с академической группой подтверждается документами фонда М. М. Винавера, там, например, содержится письмо неустановленного авторства Максиму Моисеевичу с печатью «Русской академической группы» в левом верхнем углу от одного из ее членов, в котором сказано, что по случаю открытия университета он был бы рад читать там лекции [2, с. 181]. Как можно заметить, равнодушных единомышленников притягивали подобного рода просветительские и научные инициативы.

Сам Максим Моисеевич Винавер в письме от 7 февраля 1920 года своему другу И. И. Петрункевичу особо выделяет создание этого университета. Он пишет об идее его создания: “Наконец, из различных начинаний позвольте упоминать о Русском Университете, проектированном Ростовцевым. Эта мысль вызывает всеобщее сочувствие. Ростовцев был у меня сегодня, и мы решили на этой же неделе двинуть вопрос денежный, от него все зависит” [26, с. 213]. Здесь необходимо отметить, что финансовый вопрос в столь сложной исторической ситуации был не менее важным, чем духовный, и именно Максим Моисеевич Винавер всегда грамотно управлял им, что позволяло функционировать многим культурным и общественным организациям беженцев.

Продолжая тему членства М. М. Винавера в общественных организациях, ставивших целью оказание помощи эмигрантам, координацию культурно-просветительской и благотворительной деятельности, следует упомянуть о Парижском Земгоре – Российском Земско-Городском комитете помощи Российским Гражданам Заграницей, образованным в январе 1920 году и ставшим преемником Земгора Российской Империи. Правда цели его теперь были несколько другими, невоенными. Личный фонд М. М. Винавера подтверждает то, что он был его членом. Например, он, как и все участники, получил от председателя Земгора датированное 2 июнем 1922 года письмо с вопросом, не хотел бы тот подписать воззвание о поводу преследования Патриарха Тихона, и просьбой сообщить обратными письмом о решении в «срочном порядке» [2, с. 156]. Наконец, кроме культурно-просветительских организаций М. М. Винавер создавал и профессиональные, например, «Общество взаимопомощи русским адвокатам за границей», а также политические – РОЛН (Российское Общество Лиги Народов) и РДО (Российское демократическое общество).

Итак, Земгор по праву назван историком И. В. Сабенниковой «институтом социокультурной адаптации» [24, с. 159] для беженцев из России, но также вполне справедливо это название можно применить и к другим вышеперечисленным общественным организациям, в которых активно участвовал М. М. Винавер. Эти объединения не просто помогали мигрантам, но и создавали целый новый культурный пласт так называемых «русских европейцев», со своими культурными особенностями, где смешивались два начала. Это утверждение подтвердил в 1961 году и Георгий Адамович, непосредственное действующее лицо в этом процессе, он писал о том, что эмигранты пережили трагедию, масштаб которой был огромнейшим, при этом внутри нее им было необходимо: “...с одной стороны – оставаться подлинно-русским, быть подлинно-верным России, нас создавшей и воспитавшей, с другой стороны – отбрасывать доводы и соображения сусально-патриотические, не изменять самим себе на том основании, что этого будто бы ждет и даже требует от нас наша обновленная родина. Надо ли объяснять и доказывать, что никогда еще история никому таких задач не ставила?” [8, с. 7]. Насколько им это удалось еще предстоит выяснить. Систематизация плодов деятелей русского зарубежья проводится и в современной России. Например, в ГА РФ при поддержке государства в 2010 году был создан сводный каталог печатных изданий русского зарубежья 1918–1991 годов, позволивший многим исследователям восполнить недостающие пробелы в этой области изучения эмиграции.

Таким образом, эмигранты первой волны не только сохранили и развили традиции исконно русской культуры, которую так тщательно пыталась предать забвению новая большевистская власть, но и вдохнули в нее новый европейский оттенок. Организаторы и действующие лица этой миссии помогали людям осознать себя частью мирового культурно-исторического процесса, не потеряв при этом чувство того, что они в равной доле остаются преданными воспитанниками русского мира. Роль М. М. Винавера в этом нелегком деле оказалась велика и продуктивна, некоторые ее результаты находятся в стадии обобщения и изучения и по сей день. Но, несомненно, уже сейчас можно утверждать, что эта неординарная и разносторонняя личность оставила ярчайший след в истории развития русского общества, его гражданских институтов, культуры и искусства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 5856. Оп. 1.
2. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 5818. Оп. 1.
3. Российский Государственный Архив Литературы и Искусства. Ф. 2475. Оп. 1.
4. Российский Государственный Архив Литературы и Искусства. Ф. 355. Оп. 2.
5. Российский Государственный Архив Литературы и Искусства. Ф. 355. Оп. 2.
6. Российский Государственный Архив Литературы и Искусства. Ф. 200. Оп. 2.
7. Российский Государственный Архив Литературы и Искусства. Ф. 2293. Оп.1.
8. Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. - Париж, 1961. - 18 с.
9. Адамович Г.В. Памяти нашего редактора // «Звено. № 194, С. 4.
10. Адамович Г.В. Собрание сочинений: в 18 т. Т.2: Литературные беседы («Звено»: 1923 – 1928) / Вступ. Статья, сост., подгот. Текста и примеч. О.А. Коростелева. – М.: 2015. – 784 с. Стр. 5
11. Винавер М.М. История Выборгского воззвания : (Воспоминания). – Петроград, 1917. – 48 с.
12. Винавер М.М. Как мы занимались историей. // Евреи в Российской империи XVIII-XIX веков. Москва, Иерусалим: Еврейский университет, Gesharim, 1995. С. 65-77.
13. Винавер М.М. Открытое письмо П.Б. Струве // По вехам... Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице». Б.и. 1909. С. 81 – 85.
14. Винавер Р.Г. Воспоминания / Подготовка к печати и комментарии В.Е. Кельнера и О.А. Коростелева // Архив еврейской истории. Т. 7 / Под ред. О.В. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2012. С. 11–134.
15. Зябликов А.В. Художественная интеллигенция и партия конституционалистов-демократов в 1905 – 1907 годах. // Интеллигенция и мир, 2011. № 2, Ивановский Государственный университет. С. 9-26.
16. Кантор М. Памяти нашего редактора // «Звено», № 194. С.3.
17. Квакин А.В., Мухачев Ю.В. Русская академическая группа// Сборник статей «Русское зарубежье: История и современность». Вып. 4, 2015. С. 29 – 34.
18. Коростелев О.А. Редакторская и издательская деятельность М.М. Винавера. // Творчество Мишеля Винавера : между Францией, Америкой и Россией: международная научная конференция, Москва, 16-17 октября 2015 г. Сост., науч. ред.: Т.В. Викторова, С.Н. Дубровина; пер. с фр.: Т.В. Викторовой и др. Москва, 2015. С. 111 – 124.
19. Лопухин Г. «Биографические заметки о семье Винаверов – Гринбергов» // Творчество Мишеля Винавера : между Францией, Америкой и Россией: международная научная конференция, Москва, 16-17 октября 2015 г. , М. 2017, С. 89 -109.
20. Маклаков В.А. 1905 – 1906 годы // Винавер и русская общественность начала XX века. // Сборник статей. Париж, 1937, С. 53 – 96.
21. Милюков П.Н. М.М. Винавер и русская культура // Звено, 1926, № 194.
22. Портрет Милюкова Павла Николаевича (1859-1943) карикатура. Электронный ресурс: коллекция Государственного центрального музея современной истории URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4753405> (дата обращения: 01.02.2023).
23. Привалов В.Д. Сатирическая печать первой русской революции (1905 - 1908) (по периодическим изданиям Петербурга). Санкт-Петербург, 2018. - 412 стр. С. 169.
24. Сабенникова И. В. Русская эмиграция как историко-культурный феномен // Мир Росии. - 1997. - № 3. - С. 155-184.

25. Селунская Н. Б. Мифологема «русский европеец» как субъективное измерение идентичности эмигрантов «первой волны» // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 196-207.

26. Среди тяжелых лет. Переписка М.М. Винавера с И.И. Петрункевичем в 1921–1923 гг. // Архив еврейской истории / гл. ред. О.В. Будницкий. В 10 т. Т. 9. М., 2017. С. 190–303.

27. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3-х т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. / Центр полит. и экон. истории России Рос. независ. ин-та соц. и нац. проблем, Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, сост., ред.-подготовитель и автор примеч. О.Н. Лежнева, отв. ред. В.В. Шелохаев. – М. (РОССПЭН), 2000. – 831 с.

28. Тарелка с карикатурой на депутата 1-ой Государственной Думы, кадета князя Долгорукова [Электронный ресурс] : коллекция Государственного центрального музея современной истории URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6426994> (дата обращения: 01.02.2023).

29. Шагал М. Избранник народа: Памяти М. М. Винавера // Рассвет (Париж). 24 октября. 1926.

M.M. VINAVER (1862–1926) AS A PERSON IN RUSSIAN CULTURE

Nesterova K.A.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The purpose of the article is to analyze the activities of a lawyer, politician, former deputy of the First State Duma of the Russian Empire from the Cadet Party M. M. Vinaver (1862 - 1926) in the field of culture and art, science and educational activities both in the Russian Empire and in Paris, after forced emigration during the 1917 revolution. Based on the materials of the GARF, RGALI archives, memoirs and visual sources of M. M. Vinaver's contemporaries, with the involvement of the achievements of modern historiography on the topic, the article assessed his role in the development and preservation of Russian art, his special “multinational” vision of Russian culture, the fruits his practical activities - scientific, philanthropic and literary. Scientific novelty lies in the analysis and introduction to historiography of previously little-known data about the origins of M. M. Vinaver's love for Russian art and the desire to integrate it into the European context, which allows us to take a closer look at the cultural life of the Russian political elite, emigrants of the first wave. As a result, it was possible to establish the high significance of M. M. Vinaver in the life of the artist Marc Chagall, the writer Georgy Adamovich, the goals of creating, with the participation of M. M. Vinaver, the Russian Institute at the Sorbonne, cooperation with the Zemstvo-City Committee for Assistance to Russian Citizens Abroad, the Russian Academic group. Conclusions are drawn about the special attitude of the politician himself to Russian culture, freedom of spirit and creativity, and the achievements of the past.

KEYWORDS

cadets, M. M. Vinaver, Marc Chagall, “Link”, patronage, educational activities, Russian painting, Russian literature, Russian abroad, emigrants.